

УДК 82.161.1
DOI 10.25991/AE.2022.22.41.011

М. А. Бурая

Бурая Мария Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент,
Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток
Русская христианская гуманитарная академия,
Санкт-Петербург

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ «25. XII. 1993» В СОСТАВЕ СВЕРХТЕКСТОВОГО ЕДИНСТВА И. А. БРОДСКОГО: ПОЭТИКА НАЗВАНИЯ И ПОСВЯЩЕНИЯ*

Статья посвящена анализу стихотворения И. А. Бродского «25.XII.1993» в контексте творчества поэта. Изучение сосредоточено на поэтике названия и особенностях посвящения. Произведение рассматривается в контекстных связях с рождественским и любовным текстами Бродского, а также как значимый элемент особого образования, которое определено как сверхтекстовое единство. Особое внимание уделяется акцентированной трансформации поэтом специфического типа рождественской культуры в европейской и русской эстетической традиции. В ходе анализа выдвинута гипотеза об имплицитной интертекстуальной связи стихотворения «25.XII.1993» с фрагментом библейского текста, участвующего в рождественской мессе. Как значимый выделен библейский образ полноты времён, который оказывается важным для комплекса философско-эстетических идей Бродского.

Ключевые слова: И. Бродский, рождественский текст, сверхтекстовое единство, поэтика названия, посвящение.

М. Buraia

CHRISTMAS POEM “25. XII. 1993” AS PART OF J. BRODSKY’S SUPERTEXT UNITY:
POETICS OF THE TITLE AND DEDICATION

This article dedicated to the analysis of Brodsky’s poem “25.XII.1993” in the context of the poet’s work. The study focuses on the title’s poetics and the dedication’s peculiarities. The work is considered in contextual connections with Brodsky’s Christmas and love texts, as well as a significant element of a special formation, which is defined as a supertextual unity. Special attention is paid to the poet’s accentuated transformation of a specific type of Christmas culture in the European and Russian aesthetic tradition. Also, in the course of the analysis the hypothesis of implicit intertextual connection of the poem “25.XII.1993” with a fragment of the biblical text involved in the Christmas mass. The biblical image of the fullness of time is highlighted as significant, which is important for the complex of philosophical and aesthetic ideas of Brodsky.

Keywords: J. Brodsky, Christmas text, supertextual unity, poetics of the title, dedication.

«25. XII. 1993» в мифопоэтической картине мира И. А. Бродского можно признать одним из наиболее маркированных и важных для понимания целого творчества произведений. Являясь подчёркнуто коротким по объёму, ясным по композиционной структуре и жизнеутверждающим по эмоциональному тону, стихотворение стало одним из наиболее цитируемых и известных не только в составе рождественского текста, но и среди всего лирического наследия поэта. Это не противоречит, а, наоборот, согласуется с его значимой ролью в формируемом совместно читателем и автором контексте, где «25. XII. 1993» приобретает множественные и разнонаправленные смысловые и поэтологические связи.

Так, прежде всего воспринимающее и авторское сознание предполагает рецепцию стихотворения как своеобразного завершения в рождественском тексте стихотворений Бродского, что задаётся на уровне названия. Однако сразу же после этого в акте чтения «25. XII. 1993» эксплицитно вводится в любовный текст, что обеспечивается

посвящением. Подобная маркированность свойственна не только данному стихотворению [см. об этом: 1]; для поэта свойственно актуализировать связи между по меньшей мере четырьмя значимыми тематическими текстами: любовным, рождественским, итальянским и петербургским. Стихотворения, в которых соединяются содержательные и формальные признаки и черты максимально большого количества данных частных единств, очевидно, оказываются значимо выделенными и могут претендовать на особенный статус в наследии Бродского — и в составе формируемого сверхтекстового единства. В случае с «25. XII. 1993» можно говорить и о важности его хронологически-композиционного статуса одного из поздних (завершающих) произведений, которые наделяются функцией своего рода итоговых и обобщающих. Отсюда вытекает необходимость рассмотреть стихотворение в потенциальном множестве всех возможных контекстных связей в рамках единого лирического метасюжета.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22–28–01671, <https://rscf.ru/project/22–28–01671/>; Русская христианская гуманитарная академия.

Как было сказано выше, атрибуция «25. XII. 1993» как рождественского стихотворения начинается на уровне названия, однако на этом же уровне стихотворение вступает в диалог и с другой группой текстов, сближающихся по типу названия, представляющему собой дату или отнесённость к конкретному дню. Немногочисленная группа таких произведений в лирике Бродского представлена следующим рядом: «1 января 1965 года», «24 декабря 1971 года», «1 сентября 1939 года», «На 22-е декабря 1970 года Якову Гордину от Иосифа Бродского», «Пятая годовщина 4 июня 1977», «24. 5. 65». Можно сделать вывод, что стихотворения рождественского текста в этом ряду противопоставлены группе стихотворений, обращённых к конкретно-историческим датам в мировой и личной истории. Однако тогда возникает вопрос о соотношении названий в составе самого рождественского текста, где представлены произведения различных типов названий.

Очевидно, что рождественский текст по своему существу задаёт актуализацию хронологического уровня и соответствующего образно-мотивного и тематического ряда. Рождественские стихотворения предполагают развитие особой модели времени и пространства, однако уже выделение такой модели ставит ряд вопросов о возможных связях с иными текстами — например, с зимним контекстом стихотворений Бродского. Логическое построение допускает в теории потенциальное вхождение рождественского текста как частного в общий — зимний, однако действие художественной и мифопоэтической логики на практике представляет собой более сложную систему связей.

Так, стихотворение «25. XII. 1993» с маркированным названием, фиксирующим зимнюю дату, непосредственных тематических и образно-мотивных маркёров зимнего текста не содержит, что говорит о несовпадении двух текстов при вероятной их близости в ряде случаев и возможных пересечениях. В составе же рождественского текста представлены различные типы названий, как с актуализацией хронологического уровня, так и без таковой, однако актуализация рождественского хронотопа необходимо является частью лирического сюжета как всех частных текстов, так и формируемого контекста, что связано с самой идеей особого времени и пространства Рождества. Тем не менее при всей очевидности этой мысли возникает вопрос о возникающих отличиях внутри конкретных моделей реализации рождественского хронотопа.

Вероятно, что можно говорить о вариативном, но сущностно едином понимании — более узком и широком — одного и того же явления, феномена Рождества, который в мифопоэтической картине мира Бродского входит в состав субстанциональных оппозиций, представленных такими разновидностями, как праздничное — будничное, особенное — повседневное, преображённое — неизменное, восходящими к инварианту сакральное — профанное. Как известно, рождественское и святочное время и про-

странство в большинстве культурных традиций (не только христианских, но и языческих в прошлом) осознаётся как маркированное, выпадающее из обычного течения времени и противостоящее ему. Такая оппозиция, исторически мотивированная специфическими явлениями астрономического и природного толка (зимнее солнцестояние и т. п.) в дальнейшем приобретает характер священного, реализуясь в сюжете умирания-воскресения уже не просто солнца, а умирающего и возрождающегося Бога. Следующий важный шаг в эволюции этих представлений — связь с морально-нравственным комплексом идей и представлений, акцентированная в христианстве сюжетом искупления и жертвы Христа. Внимание к основным событиям жизни Бога-Сына обуславливает и особенное восприятие впоследствии главных христианских праздников, которые и оказываются интуитивно близки поэту, лишённому опыта проживания их в реальности советского пространства, однако восстанавливающему его в пределах художественного текста в акте эстетического переживания.

Значимость Рождества как особого культурно-исторического и этико-эстетического события и смыслового и символического контекста подтверждают ставшие широко известными метапоэтические высказывания Бродского о создании стихотворений и замысле. Очевидно, что религиозный праздник и связанная с ним культурная традиция осознаётся поэтом предельно широко, не теряя при этом своих специфических значений. Подобное понимание отдельных фактов искусства, культуры, религии и быта можно рассмотреть как продолжение уже заданной в русской поэзии тенденции близким по самоощущению Бродскому поэтом О. Э. Мандельштамом. Для последнего феномены различных сфер национальных культур, религий, бытовых укладов и художественного наследия являясь в своей частной и особенной (феноменальной) сущности воспринимались тем не менее в синтезе представлений, осуществляющемся в мифопоэтической картине мира в рамках идей об особенной целостности и преемственности пространственно-временного и смыслового континуума. Определяющей идеей тогда оказывается идея вечности, роль которой акцентирует и Бродский, рассуждая о своём обращении к празднику Рождества: «Мне ужасно понравился этот перевод небесного на земной <...> то есть перевод явлений бесконечных в язык конечный» [5, с. 558]. Очевидно, что идея перевода и осуществляемого затем перехода лежит в основе всего христианского и новозаветного мышления, связанного с сюжетом земной и посмертной жизни Христа, прежде всего предполагаемой в мотиве пути жизни человека, его динамического и непрерывного развития, соединения двух природ (земной и божественной) и соответственного перемещения-трансформации от земного (профанного) к небесному (сакральному) в ходе этого движения.

Рождество же в этом сюжете пути и в истории главного христианского мифа становится точкой от-

счёта, началом его земной части, с чем связываются в различных национальных культурных традициях множественные комплексы представлений, преобразованные творчески Бродским в лирическом творчестве. Однако идея актуализации хронотопа будет свойственна всем стихотворениям рождественского текста, что объясняется важностью акцентирования модели особого времени и пространства, при которой Рождество воспринимается скорее как состояние и модальность, открытая и доступная каждому. Рождество при этом остаётся и конкретно-зафиксированным в календаре и линейном времени праздником, актуализирующим частное и выделенное время и пространство, что происходит в тех стихотворениях текста, где дата оказывается названием. Стоит отметить, что в пределах рождественского цикла вынесенные в названия даты не совпадают с датами, обозначенными как время создания, которые могут как отсутствовать, так и варьироваться от обозначения конкретного дня, месяца и года до обозначения месяца и года или только года. Маркированность конкретного календарного дня оказывается символически значимой и предполагает несколько смысловых линий в развитии сюжета как конкретного произведения, так и всего рождественского текста (потенциально — сверткестового единства).

Во-первых, в самой идее Рождества и его дате заключается идея перехода и трансформации, крайне важная для мифопоэтической картины мира Бродского и сюжета сверткестового единства. Главные события праздника разворачиваются с 24 на 25 декабря, предполагая и задавая тем самым модель временного развития с выделяемыми этапами, которые можно условно обозначить как ожидания (подготовка) — событие (начало) — изменение / переход в новое состояние (завершение, оказывающееся в то же время началом нового цикла-отрезка времени). Подобная трёхчастность соответствует многим моделям мифологического и архетипического мышления, свойственным различным национальным культурам. По степени и значимости влияния на европейское мышление и искусство можно выделить прежде всего традицию античного осмысления мирового развития, представленную в концепциях позднего платонизма, впоследствии подробно разработанную в работах Прокла и Дамаския. Триада динамики любого процесса или явления была осознана как смена следующих этапов: пребывание — выступление — возвращение. Фундаментальная для всего античного наследия (как философского, научного, так и художественного, эстетического) вместе с постижением последнего данная идея входит и в поэтическое наследие Бродского.

Во-вторых, как логическое следствие из вышесказанного два дня праздника Рождества акцентирует и идея временной оппозиции в данной хронопоэтической модели, выражающейся в мотивном ряду членов до / после, было / стало, ожидание / результат и т. п. Как известно, канун свойственен двум христианских праздникам, из которых более всего известен

и распространен именно рождественский — Сочельник. Значимость времени, предшествующего непосредственно наступлению Рождества, является объединяющей для любых разновидностей христианской религии, оказываясь универсально значимой и акцентированной в текстах богослужений. Так, уже в утренней мессе текст интроита акцентирует внимание на временных мотивах, связанных с идеей приближения Рождества: «Вот уже пришла полнота времени, когда послал Бог Сына Своего на землю» (Галагам 4: 4, 5). Стоит отметить, что представленный здесь образно-мотивный ряд и своего рода сжатая модель сюжета христианского мифа оказываются крайне значимыми для понимания рождественского текста у Бродского.

Прежде всего обращает на себя внимание темпоральный ряд образов, мотивов и представлений, реализованных на разных уровнях. Так, первый мотив «уже» связан с упомянутой оппозицией до и после и актуализирует момент кульминации ожидания Рождества, приходящийся на Сочельник. В таком случае Рождество как праздник есть своего рода постепенная восходящая градация, по которой нарастает ожидание его наступления с последним этапом, начинающимся утром 24 декабря во время мессы. И этот завершающий этап определяется в интроите как «полнота времени», что продолжает развитие оппозиции, сопоставляющей время до Рождества и после по признаку полноты — неполноты времени. Символический образ полноты времен является одним из наиболее часто интерпретируемых и предполагающих различные трактовки, хотя в тексте Нового Завета он встречается лишь дважды — в посланиях апостола Павла (Гал 4: 4 и Еф 1: 10). По мнению философов и теологов, «указанные тексты охватывают во всей полноте Божий замысел искупления, которое осуществляется в истории, или *Heilgeschichte* (истории спасения, священной истории)», «в первом из указанных текстов (Гал 4: 4) говорится о том времени, которое предшествовало рождению Христа <...> Ап. Павел пользуется этим выражением (в буквальном смысле оно обозначает тот отрезок времени, в течение которого ребенок достигает совершеннолетия), желая показать, что Бог начинает действовать лишь тогда, когда история “созрела” <...> В Еф мысль ап. Павла движется в ином направлении — искупление свершилось на кресте, но произошло в истории. Смысл “тайны”, о которой неоднократно говорит апостол (Рим 14: 2425; Еф 1: 9; 3: 45; Кол 1: 26), в том, чтобы “все небесное и земное соединить под главою Христом”» [4, с. 875].

Вероятно, что появление такого образа, как полнота времени связано с осмыслением любого христианского праздника как его проживания заново, его своеобразного вечного возвращения и повторения, ориентированного на циклическую модель времени, которая предполагает наличие образцовой модели (жизнь Христа), которой следует каждый человек в своем частном бытии. Соответственно, Рождество как полнота времени — это и особенное

состояние зрелости истории как мира, так и индивидуума, так и необходимость соединения этих разномасштабных начал в акте причастности каждого к совершаемым событиям — которые будучи частью истории есть прошлое, однако в акте ежегодного повторения в рамках праздничного ритуала одновременно — непреходящее настоящее. Это соединение временных и бытийных планов позволяет Бродскому выстроить ряд символически значимых аналогий, которые составляют основу рождественского сюжета и составляют вторую часть фразы интроита, акцентирующую тему семьи, образы Отца и Сына.

Одновременно финал фразы указывает на композиционное и хронологическое положение Рождества в составе праздников евангельского цикла в абсолютном начале отсчёта земной жизни Христа. Таким образом, в циклическую модель времени входит время линейное, предполагающее идеи протяжённости, развёртывания, динамического движения от одного события к другому, свойственные любой человеческой жизни. Однако, как известно, христианское мышление, задавая аналогию между земным путём Христа и человеческим существованием, предполагает возможность и духовного подобию, возникающего в человеке, ориентированном на пример Христа и принятой им жертвы. Вторая часть фразы интроита акцентирует мотив божественного замысла, особой миссии, с которой Христос появляется на земле как мессия (посланник) по решению своего отца, что предполагает в том числе мотив преданности, особенного смысла в событиях, которые развернутся впоследствии.

Стоит также отметить особенную роль Рождества как выделенного в заглавии обозначением даты праздника не только для рождественского цикла, но и всего сверткестового единства Бродского как признака отнесённости культурно-эстетической традиции к определённому типу. В данном случае речь идёт об оппозиции рождественского и пасхального типа культуры (соответствующему им разделению по типу мироощущения католическому и православному). О принципиальных следствиях тяготения той или иной культурной и национальной традиции к доминирующему в календаре празднику Рождества или Пасхи писал В. Непомнящий: «Налицо, таким образом, разные “точки отсчета”: в одном случае — “от Бога” (Бог призывает человека уподобиться Ему, взяв свой крест), в другом — “от человека” (удовлетворение от того, что Бог уподобился человеку <...> Эти два типа культуры в христианском мире названы мною пасхальным и рождественским. Рождественский ориентирован на человека, каков он есть сейчас, в его наличном состоянии и настоящих условиях истории, на его интерес <...> В рождественской культуре вершина этой иерархии — права человека, категория юридическая, внешняя по отношению к самой личности, ценность, которую должно обеспечить для личности извне ее самой (на юридическом, государственном

уровнях). <...> В сфере общекультурной рождественский тип устремлен к успехам цивилизации, то есть сферы возделывания внешних условий и удобств жизни <...> В области художественной — нагляднее всего в литературе, драматургии, кино — основной предмет внимания рождественской культуры — судьба человека как нечто опять же внешнее по отношению к нему <...>» [4, с. 421]. Как замечает в дальнейшем исследователь, не всегда можно говорить о существовании какой-либо традиции — рождественской и пасхальной — в абсолютном виде, однако обозначенное противопоставление представляется особенно интересным в виду того значения, которое рождественский цикл получает в мифопоэтической картине мира отдельного автора. Стоит обратить внимание при этом, что в концепции В. Непомнящего прослеживается оценочная оппозиция, предполагающая предпочтение пасхального типу культуры как более важному духовному и возвышенному, противостоящего рождественскому как прагматическому и материально и фактически ориентированному. Принимая такую ценностную иерархию-противопоставление, оказывается очевидным принципиально новаторский и самобытный характер рождественского текста, свойственного русской литературе в целом, но особенную роль и значение получившему в творчестве Бродского. Предположительно можно говорить о специфическом синтезе рождественского и пасхального типов, где ко всем признакам и характеристикам первого прибавляется духовное измерение и сакральное второго. Причём принадлежность к такому трансформированному типу рождественской культуры влияет на поэтологические и содержательные особенности всего контекста художественного творчества поэта, с концентрацией и эксплицитным выражением в наиболее яркой форме этих особенностей в рождественском тексте, в котором стихотворение «25. XII. 1993» можно рассмотреть как один из смысловых центров-кульминацию.

Маркированную роль стихотворения не только в составе рождественского текста Бродского, но и в контексте целого творчества определяет посвящение, которое создает пересечение двух частных лирических текстов — рождественского и любовного. Поэту свойственно создавать такие пересечения, используя наиболее важные в своей мифопоэтической картине мира смысловые метатекстовые единства, к которым относятся помимо рождественского различные топосные тексты (петербургский, итальянский, античный), а также любовный текст, играющий ведущую роль на уровне субстанциональной целостности, определяющей единство нетрадиционных образований. Также стоит отметить, что обращённость к адресату и диалогичность в рождественском тексте актуализирована особенно с хронологического начала создания стихотворений: как известно, помимо стихотворений, посвященных Марианне Басмановой, в состав входит и открывающее единство произведений «Рождественский романс», посвящен-

ное Евгению Рейну. При этом дополнительный компонент и значимый мотив посвящения стихотворения 1961 г. сближает его с контекстом стихотворений, адресованных М. Б., акцентируя мотив любви как целеполагающий и ведущий. Очевидна неслучайность повторяемых посвящений не только как экспликации значения и роли адресата в жизни поэта, но значимости компонента посвящения в архитектоническом целом потенциального сверхтекстового единства, прежде всего — в формируемых смысловых пересечениях частных текстов. Последняя особенность вызывает ассоциацию с полифоническим принципом формирования и функционирования произведения, где иными оказываются роли и компетенции читателя, автора и героя, определяясь во многом диалогичностью как ведущим свойством не только частных особенностей поэтики, но и философско-эстетического основания целого.

В таком случае лирический герой сверхтекстового единства Бродского может быть рассмотрен с точки зрения метасюжета пути-инициации, где одним из актуальных вопросов и жизненно важных целей оказывается возможность полного и избыточного определения и утверждения своего частного я во всеобщем бытии. Последнее, как известно из работ М. М. Бахтина, невозможно осуществить в пределах лишь собственного кругозора и непременно требует со-участия Другого-Я, предполагая различные компетенции у этих двух субъектов. Отсюда и акцентуация диалогичности на частных уровнях поэтологического целого, как реализованная актуальная, так и возможная потенциальная и неосуществлённая, предполагающая ряд последствий (потеря собственного я, недовоплощённость, появление двойника и др.).

Компонент посвящения в «25. XII. 1993» устанавливает связь стихотворения с любовным текстом и со сборником «Новые стансы к Августе», однако возникающие отношения между компонентами потенциального сверхтекстового частного единства с любовным сюжетом определяются как со- и противопоставленные. При сохраняющейся идентификации адресата возникает вопрос о варьировании буквенного обозначения, за которым прослеживается выбор латиницы вместе кириллицы (М. В. вместо М. Б.). Очевидно, возможно объясняющийся внетекстовыми факторами и не играющий релевантной роли в атрибуции образа-возлюбленной, тем не менее в структуре целого, образуемого рядом тождественных посвящений, данный компонент акцентирует на себя читательское внимание в акте перцепции. Посвящение к данному стихотворению оказывается маркированным, создавая двоящийся образ адресата — узнавание возможно на основе опыта чтения других стихотворений поэта, прежде всего главного сборника Бродского «Новые стансы к Августе», однако это же узнавание ведёт к процессу дифференциации плана означающего двух вариантов одного инвариантного содержания. Причины же выбора латинской версии инициала даже в случае

бессознательно-случайного предполагают мотивацию как в биографически-реальном измерении бытования авторского сознания, так и в философско-эстетическом при вероятной связи и влиянии одного на другое.

Так, к 1993 году, когда создается рождественское стихотворение «25. XII. 1993», Бродский отметил своеобразный юбилей своего пребывания за границей (21 год — с 4 июня 1972 г.). Ставший широко известным текст письма, созданного поэтом утром в день отъезда, содержит важные размышления об идентификации творческой личности через принадлежность к языку и культуре: «Я принадлежу к русской культуре, я сознаю себя её частью, слагаемым, и никакая перемена места на конечный результат повлиять не сможет. Язык — вещь более древняя и более неизбежная, чем государство. Я принадлежу русскому языку, а что касается государства, то, с моей точки зрения, мерой патриотизма писателя является то, как он пишет на языке народа, среди которого живет, а не клятвы с трибуны» [2, с. 39]. В этой связи смена кода — с кириллицы на латиницу — может предполагать, как и изменение мышления, возможную атрибуцию себя и своего творчества или его части как существующего в рамках и иной культуры, так и динамику эстетических сознаний — как своего авторского, так и геройного — в том числе и героя-адресата. Возможным, очевидно, является и вариант с необходимостью особенной маркированности создаваемого произведения на всех уровнях художественного целого.

Как уже отмечалось, «25. XII. 1993» входит в число поздних стихотворений поэта, своего рода подводящих итог творческому и жизненному пути, являясь предпоследним из созданных в рождественском тексте. При этом с учётом того, что последнее произведение 1995 г. «Бегство в Египет (II)», представляет своеобразную двойчатку к одноимённому стихотворению 1988 г., «25. XII. 1993» приобретает особенное место и роль в составе рождественского контекста Бродского. Главное лирическое событие — преображение лирического героя (и потенциально — воспринимающего сознания), оказывающегося непосредственным участником событий рождественский мистерии, которая наделяется поэтом и высоким сакральным смыслом, который возможно реализовать, тем не менее, и в земной жизни в акте любви (что актуализировано посвящением к М. Б.) и творчестве.

Литература

1. Богданова О. В., Власова Е. А. Поэтические миры Иосифа Бродского. СПб.: Алетейя, 2022. 175 с.
2. Бондаренко В. Г. Бродский: Русский поэт. М.: Молодая гвардия, 2015. 444 с.
3. Иосиф Бродский. Большая книга интервью. М.: Захаров, 2000. 712 с.
4. Непомнящий В. С. Слово о Пушкине. Собр. трудов: в 5 т. М.: МГИК, 2019. Т. III. 510 с.
5. Теологический энциклопедический словарь. М.: Ассоциация «Духов возрождение». 2003. 1467 с.